

Ли Сянь некоторое время смотрел на него, а затем горестно вздохнул. В своё время не стоило позволять ему идти следом за Чу Иланем. Во всём поднебесном мире столько историй о трогательной, глубокой любви, столько примеров простых и вечных чувств, но он не стал учиться им, а предпочёл перенять у Чу Иланя его надменную, бунтарскую манеру любить. Стоило такому человеку положить на кого-то глаз, как он, не гнушаясь никакими средствами и уловками, не успокоится, пока не добьётся своего.

Эх, а ведь перед глазами был он сам — пример истинной свободы, человек, у которого нет ни желаний, ни стремлений. Почему же этот глупый ученик не пожелал у него поучиться?

Ли Сянь криво усмехнулся:

— Могу я сказать, что не хочу на это смотреть?

Стоило словам слететь с губ, как это вызвало лишь презрительное хмыканье Ли Синьтяня:

— Не можешь.

Ещё два года назад этот ученик перестал относиться к нему с должным почтением, а теперь и вовсе казалось, что они едва ли не поменялись ролями.

— Ты влюбился в убийцу своего отца. Не боишься, что духи твоего отца и братьев не обретут покоя в загробном мире?

Ли Сянь с улыбкой наблюдал за тем, как меняется лицо Ли Синьтяня. Тот сначала побледнел, потом покраснел, и наконец его лицо вновь приняло обычное выражение.

Птенчик, которого он когда-то пригрел, оперился и вот-вот превратится в могучего орла. Даже такие ранящие слова он теперь способен вынести не дрогнув. Неужели ему, старому подбитому соколу, снова придётся ломать голову над тем, как совладать со своим учеником?

Или, может, стоило просто уйти, скитаться по миру, наслаждаться жизнью и не ввязываться в мутные воды Культа Поклонения Солнцу?

— У тебя нет больше ничего, что можно мне сказать?

— А что я должен сказать? Пожелать успеха в походе и скорейшего восшествия на трон?

— Тогда отдай мне письмо, что у тебя в руках.

Письмо? Ли Сянь на миг опешил, а следом понял: Ли Синьтянь имел в виду то самое послание, которым он когда-то шантажировал Чу Иланя. Если предать его содержание огласке, Чу Илань, нынешний император, начавший свой путь как национальный герой, неминуемо лишится трона.

— У меня его нет.

Ли Синьтянь пришёл в ярость:

— Ты всё ещё хочешь ему помочь?

Ли Сянь пожал плечами и развёл руками:

— Нет значит нет. Те слова я тогда использовал, чтобы обмануть его. Император Ле погиб, начались долгие годы смуты, где бы я нашёл то письмо? К тому же, я никогда его и не искал.

— Враньё! А как же ты узнал, что Чу Илань подговорил императора Ле вступить в сговор с внешними врагами?

— Догадался. Когда я держал Чу Иланя в заточении, он был совершенно спокоен, даже находил время любоваться луной и играть на цитре — конечно, у него был план, как выкрутиться. Яд, погубивший моих придворных, был необычайной силы; кроме Клана Тан, подвластного ему, никто не смог бы его достать. К тому же, единственным выгодоприобретателем был он. Если сложить всё воедино, картина становится очевидной.

Ли Синьтянь тяжело вздохнул:

— Чу Илань говорил, что ты гениален и надменен, и в целом свете лишь он один может с тобой сравниться. Но по-моему, даже он не дотягивает до тебя. И всё же... — он сменил тон, — в конце концов, ты всё равно проиграл собственному сердцу. Ты не вынес вида хаоса в Поднебесной и вернулся, чтобы помочь мне. Если бы не твоя мягкосердечность, разве стал бы ты пленником собственного ученика?

— Ты ещё помнишь, что я твой учитель? — Ли Сянь внезапно вспомнил, что когда-то очень давно Чу Илань говорил ему нечто похожее.

— Ты спас мне жизнь и передал своё искусство, но ты же собственноручно убил моих отца и братьев. Долги оплачены, обиды забыты, мы больше ничего не должны друг другу. С того самого дня, как я узнал правду, я решил, что отныне буду поступать лишь так, как велит моё сердце.

— Долги оплачены, обиды забыты? А как же ненависть за то, что твой отец когда-то убил мою мать и узурпировал трон? Синьтянь, человеческие чувства и обиды невозможно подсчитать, словно денежный долг.

Ли Сянь говорил со всей искренностью, но всё было как об стенку горох — слушатель остался безучастен.

В конце концов, Ли Сяню осталось лишь неловко замолчать. Что такое чувства? Он и сам толком не понимал, так как же он мог научить этому ученика, который не желал его признавать?

Ли Синьтянь помолчал некоторое время, а затем сухо бросил:

— Завтра выступаем. Я хочу, чтобы ты был у меня на виду.

Сказав это, он вышел из шатра.

Быть у него на виду? Наблюдать за тем, как он побеждает, или за тем, как терпит поражение? Или просто следовать за его спиной?

Ли Сянь знал, что у него больше нет способа заставить Ли Синьтяня свернуть с выбранного пути. Несмотря на то что тот стал выше, взрослее и расчётливее, в глубине души он всё ещё оставался ребёнком, который упрямо пытается схватить отражение луны в воде, не понимая, что в этом мире некоторые вещи обретаются, лишь отпуская их.

Хочется верить, что сам он не станет тем самым разбитым лунным бликом.

Хорошо, что перед тем, как прийти сюда, он на всякий случай отправил письмо тому человеку.

На следующий день огромная армия под предлогом «очищения окружения императора» двинулась в поход. Ли Сяня перевели в главный шатёр. Ли Синьтянь иногда заходил поболтать, но после нескольких наставлений и язвительных замечаний учителя, от которых он приходил в ярость и замолкал, они проводили время в относительном спокойствии.

Иногда, когда Ли Сяню становилось скучно, он оборачивался и ловил на себе жадный, тоскливый взгляд ученика. В глубине его печальных глаз, скрытая за дневной маской жёсткости, сквозила лишь безграничная пустота.

И только сейчас Ли Сянь с ностальгией вспоминал того маленького ученика, который раньше, ничуть не стесняясь, бросался на него и обнимал, как осьминог, хотя Ли Сянь всегда ворчал, что это ужасно надоедает.

Войско двигалось на север. Десять тысяч элитных солдат были отобраны и обучены самим Ли Синьтянем за эти два года, и военачальники также были преданы лично ему. Наблюдая несколько дней, Ли Сянь понял, что посеять смуту и развалить армию изнутри вряд ли удастся, поэтому оставалось лишь ждать прибытия того самого человека.

Тем временем Чу Илань быстро стянул войска и встал лагерем на другом берегу реки, готовясь к решающему сражению.

Обстановка накалялась. Ли Синьтянь целыми днями пропадал на военных советах и возвращался лишь под утро. Ли Сянь, освободившись от его пристального внимания, зажил припеваючи: играл на цитре, попивал вино, любовался луной или бродил по лагерю, словно на отдыхе. Солдаты, приставленные прислуживать, скрипели зубами от злости, глядя, как он требует то пятидесятилетнее вино, то столетнюю настойку.

Когда Ли Синьтянь возвращался, у него хватало сил лишь на то, чтобы устало промолчать:

— Ты совсем не изменился. Всегда умеешь найти время для безделья.

— Это называется: старый конь борозды не портит. Советую тебе не тратить силы впустую. Ты страдаешь и мучаешься, а пожалеть тебя некому.

Ли Синьтянь, уже уставший от подобных завуалированных советов, огрызался:

— Тот смеётся последним, кто смеётся лучше всех, — и валился спать.

Глядя ему вслед, Ли Сянь мог лишь беспомощно улыбнуться. Его ясные, словно кристаллы, глаза казались простыми, но в них таилась глубокая, полная невзгод печаль.

Синьтянь, о Синьтянь, когда же твоё сердце повзрослеет и ты перестанешь тянуться к звёздам на небе и луне в воде?

Осушив последнюю чашу вина, Ли Сянь лёг в постель. Он только начал забываться сном, как его разбудили лёгкие шаги. Ли Сянь открыл глаза и увидел Ли Синьтяня: тот стоял перед кроватью и в упор смотрел на него горящим взглядом.

— Ты так рано встал? — Ли Сянь улыбнулся самым безобидным образом. — Я не против, если ты решил подняться, но лучше не стой там, где это мешает моему сну.

Ли Синьтянь не ответил и не сдвинулся с места, продолжая смотреть на него как замороженный. Глубокая печаль в его тёмных глазах заставила сердце Ли Сяня сжаться.

Он не знал, что Ли Синьтянь уже не в первый раз стоит так посреди ночи, молча глядя на спящего учителя.

Спустя долгое время Ли Синьтянь наконец слабо улыбнулся:

— Я не могу уснуть. Мне вечно кажется, что если я провалюсь в сон, то, проснувшись, не найду тебя рядом — ты снова сбежишь.

— Не уходи от меня, хорошо, учитель?

Это был первый раз с момента их воссоединения, когда он назвал его учителем, и в его глазах читалась мольба.

Ли Сянь сел на кровати:

— И поэтому ты молча стоишь здесь? — на его губах появилась ироничная улыбка. — То, что ты хочешь, находится прямо перед тобой, почему бы не протянуть руку? С твоим нынешним мастерством, если ты действительно применишь силу, разве я смогу тебе противостоять?

Ли Синьтянь отвернулся, на его лице ясно читалась боль:

— Ты думаешь, я настолько подлый? Как я могу такое совершить?

— Ты не можешь, поэтому ты глупец. Знаешь, почему я тогда убил твоих отца и братьев?

— Чтобы отомстить за свою мать?

— Нет. Потому что в будущем они могли мне навредить. Всё, что несёт хоть малейшую угрозу, нужно уничтожать в зародыше. Умный враг не тот, кого можно держать рядом как домашнего питомца.

— Я не считаю тебя питомцем, и ты не мой враг.

— Сейчас — нет, а с чего ты взял, что в будущем не станешь? Даже Чу Илань в своё время набил шишек из-за меня, с чего ты взял, что я не смогу одним поворотом руки низвергнуть тебя в ад?

Ли Синьтянь закусил губу:

— Ты этого не сделаешь. Потому что ты мой учитель, потому что ты мягкосердечен.

Ли Сянь холодно усмехнулся:

— Верно, я бываю мягкосердечным, из-за чего порой и оступаюсь. Но я не могу быть таким вечно, иначе как бы я дожил до сегодняшнего дня? Раз уж ты всё ещё зовёшь меня учителем, дам тебе последний урок. Если бы я был на твоём месте, я бы применил силу, забрал то, что хочу, а после того, как овладел бы телом, навсегда вычеркнул бы человека из сердца. Затем использовал бы его, чтобы шантажировать Чу Иланя, а став императором — тайно избавился бы от него. Если ты действительно хочешь победить Чу Иланя и сесть на трон, у тебя должно быть такое холодное сердце, а не стоять по ночам у моей кровати, как привидение.

— Ты прекрасно знаешь, что моя цель не в этом, — пробормотал Ли Синьтянь.

— Тогда ты просто тешишь себя надеждой получить то, что тебе не принадлежит. Человеческое сердце — единственное, что невозможно захватить, даже имея сотни тысяч воинов. Война способна лишь приносить разрушения и проливать кровь.

Ли Синьтянь хотел что-то сказать, но смолчал, развернулся и пошёл к своей постели.

Ночь была тёмной, небо затянуло тучами, луны не было.

Ли Сянь перебирал струны цитры, извлекая прерывистые звуки, которые падали в ночную тьму, словно капли жемчуга.

Ли Синьтянь ещё не вернулся, и в пустом шатре лишь тень Ли Сяня ложилась на землю. Вдруг снаружи послышался знакомый сухой кашель, и длинная фигура, приподняв полог, вошла

внутри.

— Давно не виделись, — Ли Сянь слегка кивнул.

На красивом лице гостя тут же расплылась приторно-сладкая улыбка, полностью разрушившая образ отважного правителя.

— Сянь-Сянь, не ожидал, что ты сам пришлёшь мне письмо, чтобы возобновить старые чувства. Я несказанно рад! Ночи коротки, не будем терять времени. Какой способ любви ты предпочитаешь?

Зная, что он позвал его по делу, Чу Илань всё равно даже в такой критический момент умудрялся отпускать столь пошлые шуточки — истинный Чу Илань!

— Я написал, чтобы ты спас меня, но не просил тебя приходить лично. Зачем ты рискуешь своей драгоценной жизнью? — Ли Сянь говорил серьёзно. — Увези меня отсюда, и я помогу тебе разбить армию Ли Синьтяня.

— О? — Чу Илань приподнял бровь. — Расскажи подробнее.

— Всё просто. По численности войск ты превосходишь его, за твоей спиной — вся страна, в стратегии ты куда искуснее. Если я буду помогать ему, вы будете сражаться на равных, и в итоге пострадает лишь простой народ. Если я буду помогать тебе, мы сможем разбить его армию и предотвратить беду. За эти дни я изучил все планы, знаю всё до мельчайших деталей — для тебя это будет решающим преимуществом.

— Ты правда готов предать его?

Ли Сянь усмехнулся:

— Я его учитель. Если уж говорить о предательстве, то это ученик предаёт учителя, как может быть наоборот?

— Ты ведь знаешь, что я имел в виду его сердце.

— Сердце? Если не остановить эту десятитысячную армию, в стране начнётся хаос. Неужели ради его сердца я должен стать врагом всего мира?

— А что будет после нашей победы? Ты поможешь мне убить своего глупого ученика, а потом будешь всю жизнь винить себя и тосковать о нём? А я буду лишь смотреть на тебя издалека?

Чу Илань убрал со лба Ли Сяня выбившуюся прядь волос, его тонкие пальцы нежно коснулись щеки, и Ли Сянь вдруг заметил, что его всегда тёплые руки сейчас ледяные.

Здесь кругом была охрана, и он не знал, сколько времени Чу Илань прождал снаружи, чтобы найти момент и проникнуть внутрь.

— Пожди здесь ещё один день. У меня есть способ разрешить всё так, чтобы не пролилось ни капли невинной крови, и, что важнее, чтобы ты не пострадал.

В его узких, всегда улыбающихся глазах сейчас светилась безграничная нежность. Такого тёплого взгляда Ли Сянь не видел, даже когда Чу Илань пытался соблазнить его сладкими речами.

— Говорят, что человеческие желания безграничны, но на самом деле те, кто так говорит, не знают, чего именно они хотят. Всю жизнь человек к чему-то стремится: одно получает и понимает, что это ему не нужно, другое теряет и осознаёт, что без этого не может жить.

Конечно, кто ещё мог изрекать столь меланхоличные истины в разгар противостояния двух армий, как не Чу Илань? Ли Сянь молча смотрел на него, не зная, что ответить.

К счастью, Чу Илань не ждал ответа, лишь оставил на прощание лёгкий поцелуй.

Его губы были тёплыми и мягкими, тая в себе глубокий жар. Узкие глаза хитро прищурились, явив выражение, которое Ли Сянь помнил лучше всего, а во взгляде блеснула решимость.

Пять лет. Если оглянуться назад, это был долгий путь. Чу Илань изменился, глупый ученик изменился, и казалось, что только он один остался на месте.

Чу Илань сдержал слово: на следующий день начались действия. С самого утра прибежал солдат и доложил, что прибыли посланники от императорского двора для мирных переговоров.

— Не принимать. Никаких переговоров. Кто бы ни пришёл от Чу Иланя — гнать прочь! — твёрдо заявил Ли Синьтянь.

— Но... император никого не присылал...

— Ты же только что сказал, что пришли люди из двора?

— Они действительно от двора, но не император их прислал, а... он сам приехал.

Ли Синьтянь схватил меч и поспешил наружу. Ли Сянь замер, а затем поспешил следом.

Перед военным лагерем, на открытом пространстве, свирепствовал речной ветер.

Окружённые кольцом вооружённых солдат, в самом центре, стояли пришельцы. Ветер трепал полы драконьего халата Чу Иланя, а за его спиной стояли лишь евнух и несколько чиновников.

Что он творит? Прийти в одиночку во вражеский стан — это самоубийство! Ли Сянь невольно сжал кулаки, а когда налетел порыв ветра, понял, что его одежда насквозь пропиталась

холодным потом.

Даже когда он сам попадал в смертельную ловушку, он не испытывал такого страха.

Волосы, чёрные как шёлк, развевались на ветру. Чу Илань поправил их и мягко улыбнулся:

— А-Сянь, я пришёл, как и обещал.

В этой ситуации Ли Сянь внезапно успокоился. При дальновидности Чу Иланя, разве мог он рисковать без полной уверенности? Вот только непонятно, что у него на уме. Если даже он сам не смог убедить Ли Синьтяня отступить, неужели Чу Илань сможет переубедить этого упряма своим подвешенным языком?

— Синьтянь, я спрашиваю тебя: ты во что бы то ни стало хочешь получить этот трон?

— Да.

— Если ты станешь императором, ты отступишь?

— Что за глупости? Если я стану императором, зачем мне начинать войну? Воевать против самого себя?

— Хорошо. — Чу Илань кивнул старому евнуху. — Гао Вуюн, оглашай указ.

Старый евнух пронзительным голосом пропищал:

— Слушаюсь! — и развернул свиток.

— Волею Неба император повелевает: племянник мой, князь Ань, Ли Синьтянь, человек благородных качеств, глубоко дорог мне, и несомненно, он достоин великого управления. Отныне я отрекаюсь от престола и передаю трон князю Ань Ли Синьтяню — такова моя воля!

На площадке воцарилась тишина, слышно было лишь завывание ветра. Этот внезапный указ ошеломил всех, даже Ли Сянь на мгновение потерял дар речи.

Как это возможно? Как это возможно?

Тот, кто превыше всего ценил власть, почему добровольно отказался от всего, что с таким трудом добыл?

Сбитый с толку взгляд Ли Сяня устремился на Чу Иланя. Тот улыбнулся и протянул ему правую руку. Его обращение к Ли Сяню изменилось.

— Два года назад я отпустил тебя ради трона, и с тех пор горько жалел. Каждую ночь, сидя в

холодном дворце, я думал: почему тогда я схватился за трон, а не за твою руку? Последние два года я закалял Синьтяня только для того, чтобы однажды со спокойной душой передать ему трон и уйти на край света, держа тебя за руку. Сейчас я отрёкся от власти, тебе тоже пора перестать скитаться в одиночку, не так ли?

В тот миг Ли Сянь едва не расплакался. За двадцать восемь лет жизни он впервые почувствовал такой комок в горле.

— В этот раз ты не обманываешь меня? — в его голосе впервые за долгое время слышалась дрожь.

Чу Илань сбросил маску привычной хитрости, и его улыбка была единственной в своём роде — абсолютно искренней.

— У меня будет целая жизнь, чтобы доказать это.

Счастливая улыбка озарила губы Ли Сяня:

— Если ты снова обманешь меня, в этот раз я не стану бежать, я отомщу тебе сполна. — Он медленно протянул руку навстречу Чу Иланю.

К чему сомневаться? Мечта о счастье наконец-то оказалась на расстоянии вытянутой руки.

Когда их ладони встретились и пальцы переплелись, тепло разлилось по всему телу, и никакой холодный речной ветер не мог его остудить.

Ли Синьтянь же мог лишь тупо смотреть на происходящее. Под ярким солнцем его густые ресницы отбрасывали тень на лицо, придавая ему ещё больше детской невинности. Голос старого евнуха гудел в ушах, реальность расплывалась, и единственное, что виделось чётко — это сцепленные руки Чу Иланя и Ли Сяня.

В груди давило так, будто туда положили тяжёлый камень, дышать стало невозможно.

Он, так старательно игравший роль злодея, в итоге оказался лишь клоуном, который своими же руками воссоединил любимого человека с его старым возлюбленным. Прав был учитель: в итоге всё вышло как в поговорке: напрасный труд, как воду решетом носить.

Наверное, его лицо слишком явно выражало желание заплакать, раз даже Ли Сянь проникся к нему жалостью. Он протянул руку, коснулся его чёрных волос и мягко произнёс:

— Потери и неудачи делают человека взрослее. В будущем ты станешь хорошим императором, а я всё так же буду твоим учителем.

Пусть это было самое бесполезное утешение, но ничего другого он сказать не мог.

Выбор на всю жизнь был сделан, и дороги назад больше нет.

Больше никаких побегов, никаких укрытий. Его одинокая свобода закончилась здесь и сейчас, отныне рядом с ним всегда будет человек, с которым можно разделить путь.

Будет ли это на всю жизнь? Кто знает. Но независимо от того, что ждёт завтра, сегодня он крепко держит своё счастье.

Когда Ли Синьтянь поднял голову, его юное лицо было мокрым от слёз.

В этот момент ему страшно хотелось схватить Ли Сяня за руку и раз за разом повторять: «Я люблю тебя, я люблю тебя, неужели и это ошибка?»

Но у него больше не было на это права. Только сейчас он понял, что влюбился в ту самую луну в небе — сияющую, прекрасную, ослепительную, но которую невозможно удержать в руках.

<http://bllate.org/book/21139/2144079>